

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ

«ГДЕ ИСТОК СИСТЕМЫ?»

АКАДЕМИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ АТРИБУЦИИ
УЧЕНИЯ ЧЕТВЁРТОГО ПУТИ

Павел Георгиевич Носачёв

доктор философских наук
профессор Московской духовной академии
141312, Сергиев Посад, Троице-Сергиева Лавра, Академия
pavel_nosachev@bk.ru

Для цитирования: Носачёв П. Г. «Где исток Системы?»: академические стратегии атрибуции учения Четвёртого пути // Богословский вестник. 2024. № 3 (54). С. 317–339. DOI: 10.31802/GB.2024.54.3.016

Аннотация

УДК 82-96 (141.339)

В статье анализируется новый виток интереса к учению Георгия Ивановича Гурджиева в западном академическом сообществе и выделяется ключевой научный вопрос, вокруг которого сейчас идёт основная полемика: где истоки системы Гурджиева? Для его решения проводится компаративный анализ всех существующих гипотез. Последовательно разбираются: суфийская, предложенная преимущественно адептами учения; глобально-эзотерическая, выдвинутая Д. Уэббом, и гностическая, развитая Т. Чёртоном. Отдельно рассматривается новая концептуализация учения Гурджиева, разработанная Д. Азизом. Затем в статье предлагается новая версия истока системы Гурджиева — теософская. В заключительной части делается вывод, что Гурджиев использовал теософские концепции и миф, создавая из отвлечённо теоретического знания систему практик, построенную на уникальной личности харизматичного учителя, которому не нужны были авторитеты далёких махатм.

Ключевые слова: западный эзотеризм, Четвёртый путь, теософия, гностицизм, религиозные практики, исихазм, православие, суфизм, Гурджиев.

«Where is the Source of the System?»: Academic Strategies for Attributing the Teachings of the Fourth Way

Pavel G. Nosachev

Doctor of Philosophy

Professor of the Moscow Theological Academy

Holy Trinity-St. Sergius Lavra, Sergiev Posad, 141312, Russia

pavel_nosachev@bk.ru

For citation: Nosachev, Pavel G. ““Where is the Source of the System?»: Academic Strategies for Attributing the Teachings of the Fourth Way”. *Theological Herald*, no. 3 (54), 2024, pp. 317–339 (in Russian). DOI: 10.31802/GB.2024.54.3.016

Abstract. The article discusses a new wave of interest in the teachings of George Ivanovich Gurdjieff at the Western Academy, highlights the key question around which the main controversy is currently going on: where are the origins of the Gurdjieff system? Several hypotheses are consistently analyzed: Sufi — proposed mainly by adherents of the doctrine, globally esoteric — put forward by J. Webb, and Gnostic — developed by T. Churton. A new conceptualization of Gurdjieff’s teaching, developed by D. Aziz, is considered in details. Aziz’s arguments in favor of the fact that Gurdjieff derived his system from the Hesychast Athonite tradition are analyzed, it is concluded that there are some reasons for this view. Aziz concept is deconstructed on the basis that at the general philosophical and anthropological levels Gurdjieff’s practices exist in a completely different mechanical-materialistic coordinate system in relation to the spiritual-religious picture of hesychasm. The article proposes a new version of the source of Gurdjieff’s system — the theosophical one. To substantiate it, the historical connections of the two teachings are given and it is shown that Gurdjieff popularized himself in theosophical occult circles. Further, a number of fundamental features that Gurdjieff’s system takes from theosophy are revealed: the sevenfold structure of cosmology and anthropology, evolutionism, quasi-scientific discourse, the esoteric core of religions, and the practice of constructing biographies. In the final part, it is concluded that Gurdjieff used theosophical concepts and myth, creating from abstract theoretical knowledge a system of practices based on the unique personality of a charismatic teacher who did not need the authority of distant mahatmas.

Keywords: Western esotericism, the Fourth Way, theosophy, gnosticism, religious practices, hesychasm, Orthodoxy, Sufism, Gurdjieff.

Введение

Интересы в исследованиях западного эзотеризма всегда отличались неравномерностью: одни темы достаточно быстро набирали популярность и активно изучались, другие же оставались в тени. Очевидно, что мода на исследования тех или иных учений не связана с их распространённостью или значением для эпохи, ключевую роль здесь играет мотивация и интерес самих исследователей. Учение Георгия Гурджиева, более известное как Четвёртый путь, в западной академии до недавнего времени не пользовалось широкой известностью, тогда как в России оно было одним из немногих, вокруг которого сложилась самобытная исследовательская традиция, правда больше строящаяся на изучении истории Четвёртого пути¹, чем на его концептуальном анализе. Вызвано это прежде всего тем, что первая половина жизни Гурджиева связана с дореволюционной Россией, где прошло становление его системы. Группы учеников, сохранившиеся в СССР, были ответственны за издание трудов лидеров Четвёртого пути и возобновление деятельности гурджиевских групп ещё в позднем СССР, в особенности в начале 1990-х. Иная ситуация на Западе: вышедшее в 1979 г. фундаментальное исследование Джеймса Уэбба «Гармоничный круг»² было до недавнего времени единственным трудом, полноценно освещающим гурджиевскую систему и реконструирующим биографию её основателя. Но труд Уэбба методологически давно устарел, да и приводимые в нём данные нуждались в проверке. Новый виток интереса к Гурджиеву на Западе начался в 2017 г., когда известный оксфордский исследователь Тобиас Чёртон³ издал новую биографию Гурджиева, а Джозеф Азиз опубликовал «Константинопольские заметки» Бориса Ферапонтосова⁴ — уникальный источник, проливающий свет на жизнь и работу гурджиевского круга в Константинополе. За этим последовали новые труды, посвящённые Гурджиеву; из них ключевой стала монография того же Азиза «Гурджиев: мистицизм, созерцание и упражнения»⁵, в которой автор, член и активный участник австралийского гурджиевского

1 См., например: *Ровнер А.* Гурджиев и Успенский. Москва, 2006; *Шишкин О.* Сумерки магов. Георгий Гурджиев и др. Москва, 2005.

2 *Webb J.* The Harmonious Circle: The Lives and Work of G. I. Gurdjieff, P. D. Ouspensky, and Their Followers. Boston (Mass.), 1987.

3 *Churton T.* Deconstructing Gurdjieff: Biography of a Spiritual Magician. Rochester, 2017.

4 *Ferapontoff B.* Constantinople Notes on the Transition to Man Number 4 / ed. J. Azize. Mount Desert (Maine), 2017.

5 *Azize J.* Gurdjieff: Mysticism, Contemplation, and Exercises. New York (N. Y.), 2020.

сообщества, впервые обнародовал ядро системы — упражнения Гурджиева и его последователей, которые, по правилам, передавались лишь от учителя к ученику и не разглашались. Азиз не ограничился публикацией практик, на основании их исследования он создал новый подход к концептуализации учения Гурджиева, что привело к серии публикаций в специализированных журналах и актуализации академического интереса к Четвёртому пути⁶. После этого в западной академии возникла даже мода на Гурджиева, причём такая, что его начали воспринимать выразителем русской религиозной мысли. Свидетельство тому — вышедший недавно «Оксфордский справочник по русской религиозной мысли», в котором, наравне с Достоевским, Булгаковым, Бердяевым, Флоренским и Лосевым, стоят имена Гурджиева и его ученика Успенского⁷.

Появление исследований, зачастую полемизирующих друг с другом, открыло множество непростых вопросов, касающихся различных аспектов гурджиевского учения и не задававшихся ранее в российской традиции. Как кажется, самым значимым из них является проблема истоков системы. Далее мы проведём обзор существующих ответов, покажем их недостаточность и предложим собственное решение проблемы.

1. Ранние гипотезы

Впервые вопрос об истоках Четвёртого пути был поставлен самими близкими учениками Гурджиева. Наиболее удачно он отражён в известном диалоге Петра Демьяновича Успенского и Бориса Муравьёва. Последний задаёт вопрос: «Неужели вы никогда не спрашивали Гурджиева о происхождении Системы?» На что Успенский отвечает: «Мы спрашивали об этом у него по десять раз в день, и каждый раз он давал разные ответы». Муравьёв: «А вы спрашивали, почему он давал разные ответы?» — «Да, — ответил Успенский». — «Ну и что он говорил?» — «Он говорил, что никогда не даёт разных ответов...»⁸. Загадочность истоков системы, наглядно выраженную здесь, упрочил квазиавтобиографический труд Г. И. Гурджиева «Встречи с замечательными людьми», в котором он намекает на якобы существовавших учителей и соратников,

6 В первую очередь см. специальные номера журналов «Aries» (2020. Vol. 1. № 20) и «Correspondences» (2020. Vol. 8. № 2), полностью посвящённые Четвёртому пути.

7 *Sutcliffe S. J., Willmet J. P.* «The Work»: The Teachings of G. I. Gurdjieff and P. D. Ouspensky in Russia and Beyond // *The Oxford Handbook of Russian Religious Thought* / ed. C. Emerson, G. Pattison, R. A. Poole. New York (N. Y.), 2020. P. 543–561.

8 *Успенский П. Д.* Совесть: поиск истины. Санкт-Петербург, 1997. С. 249.

повлиявших на создание системы, а также приводит историю о неведомом надрелигиозном братстве «Сармунг», в монастыре которого Гурджиев якобы обучался. Проблемность достоверности рассказов не раз подчёркивалась исследователями. В России об этом неплохо написал Ю. Н. Стефанов:

«Более или менее пристальное вчитывание в “автобиографические” тексты Гурджиева не оставляет сомнений в том, что большинство описанных там событий, ситуаций и “реалистических подробностей” даже не придуманы, а как бы “спроецированы” из фольклорных источников: будущий “великий чудотворец” сознательно рядится в драный халат Моллы Насреддина, перенимает его плутовские замашки, раз за разом проигрывает на слегка перелицованном материале те сценки, которые давно уже стали чуть ли не каноническими»⁹.

Несмотря на это, история о Сармунгском братстве, затерянном в Кафиристане, стала основой для первой гипотезы об истоках системы — суфийской.

Её основания можно найти в трудах всё того же П. Успенского, который утверждает, что во время их недолгого пребывания в Эссентуках Гурджиев демонстрировал глубокое понимание учения дервишей ордена мелеви; все упражнения, практикуемые учениками, Успенский именуется не иначе, как дервишскими. Следуя ему, другой ученик Гурджиева Джон Беннетт занялся активными поисками истоков системы в Центральной Азии, Египте и на Ближнем Востоке, что привело к контактам с рядом традиционно суфийских и неосуфийских учений, с некоторыми из них он пытался ассоциировать систему Гурджиева¹⁰. Популяризаторская деятельность Беннетта и связанных с ним неосуфиев (например, Идриса Шаха) привела к широкой известности суфийской гипотезы, а ключевой символ системы, энеаграмма, стал восприниматься как суфийский, что, в частности, нашло отражение в деятельности определённой части лидеров накшбандийского тариката¹¹. Ведущий специалист по рецепции суфийского учения и практик на Западе Марк Сэджвик, убеждён, что «на самом деле в учении Гурджиева почти не было суфизма,

9 Стефанов Ю. Н. Мистики, оккультисты, эзотерики. Москва, 2006. С. 198.

10 Согласно Марку Седжвику, роль здесь мог сыграть личный опыт Беннета ещё до встречи с Гурджиевым, ведь после первой мировой войны он служил в Турции, знал турецкий язык и там мог общаться с суфиями. Подробнее см.: *Esoteric Transfers and Constructions: Judaism, Christianity, and Islam* / ed. M. Sedgwick, F. Piraino. Cham, 2021. P. 230.

11 Подробнее об истории энеаграммы в исламском мире см.: *Ibid.* 233–239.

и лишь чуть-чуть он присутствовал в практике»¹². Таким образом, суфийская гипотеза сейчас имеет хождение среди некоторых последователей Гурджиева, но не подтверждается академией.

Первым же академиком, предложившим свою версию истоков системы, стал Джеймс Уэбб. Д. Уэбб, как выразитель традиции социологии оккультного¹³, видел в эзотеризме форму бегства от разума, вид опасного иррационализма, зачастую связанного с обманом. Согласно его мнению, Гурджиев успешно вводил учеников в заблуждение: не имея связей ни с какой традицией или учением, он выдумал систему, основанную на сплаве различных течений. В своей реконструкции истоков Четвёртого пути Уэбб обратился к далёкому прошлому, видя его составляющие в эзотеризме эпохи Возрождения, французском оккультизме, американском спиритуализме, теософии, дзен-буддизме и прочем¹⁴. Критерием для выявления истока становится схожесть отдельных идей и положений. Но сколь бы эрудированным ни было исследование Уэбба, ценность его оказывается достаточно небольшой, поскольку получается, что Гурджиев брал свои знания из всего эзотеризма, а следовательно, нельзя связать Четвёртый путь ни с каким конкретным учением или традицией. Гурджиев при этом наделяется энциклопедическими знаниями всех эзотерических учений, знаниями, которые были редкостью даже для специалистов-академиков середины XX в.

Отчасти близким, но значительно более выверенным путём пошёл Тобиас Чёртон: в исследовании «Деконструируя Гурджиева: биография духовного мага» он обнаруживает истоки гурджиевского учения в гностицизме¹⁵. Монография Т. Чёртона о Гурджиеве — продолжение его давнего проекта по выискиванию пангностицизма в религиозной истории. Его смелый (иначе не охарактеризовать эклектику и широту обобщений) труд «Гностическая философия», изданный в России, утверждает,

12 Sedgwick M. *Western Sufism: From the Abbasids to the New Age*. New York (N. Y.), 2016. P. 181.

13 Подробнее о ней см.: Носачёв П. Г. Блеск и нищета социологии оккультного: Теория оккультуры К. Парtridge // Вестник ПСТГУ. Серия 1: Богословие. Философия. Религиоведение. 2017. № 70. С. 110–126.

14 Реконструкции истоков системы Гурджиева в своей монографии Д. Уэбб отводит достаточно много места, см.: Webb J. *The Harmonious Circle*. P. 499–542.

15 Эта идея приходила в голову не только Т. Чёртону, например, см. статью К. Джонса в авторитетном сборнике, посвящённом гностицизму, где тот характеризует систему как «эзотерическую школу с гностическими наклонностями» (Jones C. A. *Gnostic Sensibility in Gurdjieff's «Work»* // *The Gnostic World* / ed. G. Trompf. London, 2018. P. 518).

что «гносис — самая подавляемая религия и самая гонимая философия»¹⁶, и записывает в гностики почти всех: от неоплатоников, суфиев и трубадуров до Бёме, Кроули и Юнга. В исследовании о Гурджиеве идея Чёртона проста: в молодости, проживая в Карсе, Гурджиев имел близкие контакты с йезидами (о чём он сам упоминает во «Встречах...»), учение которых автор возводит к гностикам. Именно от них он перенял ключевые концепции, которые позднее стали основой его системы. В подтверждение этого Чёртон приводит разрозненные сведения из «Встреч с замечательными людьми» — воспоминаний о семье Гурджиева и его учении. Несостоятельность этой гипотезы основательно продемонстрирована в нескольких работах Д. Азиза¹⁷, задавшегося целью не только опровергнуть идею Чёртона, но и показать его полную непригодность как специалиста по гурджиевскому учению. Аргументы Азиза убедительны и не оставляют от гипотезы Чёртона и камня на камне. К ним лишь стоит добавить, что Чёртон, несмотря на своё высокое академическое положение, по преимуществу пишет популяризаторские работы, имеющие мало общего с современным уровнем исследований тем, за которые он берётся. И касается это не только учения Четвёртого пути, но и гностицизма, с которым Чёртон его сравнивает.

2. Гипотеза Азиза

Наиболее обоснованной гипотезой на данный момент является предложенная самим Д. Азизом версия о том, что гурджиевская система имеет своим истоком православное монашество, а именно исихастскую афонскую традицию. Того, кто знаком с учением Гурджиева лишь поверхностно, такая атрибуция может удивить, ведь в массовом сознании широко укоренена убеждённость в мусульманских корнях системы. Но Азиз, как человек много лет практикующий Четвёртый путь и столь же долго академически над ним рефлексирующий, приводит немало доводов.

Идею Азиза можно выразить в следующих положениях. За время жизни своего основателя система Гурджиева значительно эволюционировала. На российском этапе основу её составляли космология и антропология, восходящие к древним эзотерическим концепциям (возможно, алхимии и неоплатонизму). Далее, в парижский период,

16 Чёртон Т. Гностическая философия: от древней Персии до наших дней. Москва, 2008. С. 16.

17 В первую очередь см.: *Azize J. Assessing Borrowing: The Case of Gurdjieff* // *Aries*. 2020. № 20. P. 1–30.

Гурджиев развил психологическую сторону системы, которая начала превалировать над космологией, полностью её вытеснив. В этом плане известный труд Гурджиева «Рассказы Вельзевула своему внуку» является синтезом двух сторон учения, наиболее цельно охватывающим все его аспекты. Основу своей психологической теории Гурджиев взял из традиции афонского исихазма. По мнению Азиза, он посещал Афон в годы странствий. Поскольку прямых доказательств связи Гурджиева с Афоном или православием нет, то Азиз сплетает сложную сеть косвенных подтверждений. Так, по свидетельствам Бориса Феррапонтова, во время жизни в Константинополе Гурджиев постепенно отходит от идеи безличного Абсолюта как истока творения, всё чаще заменяя его на понятие Бог, которому придаёт личностные черты. Позднее он говорит только о Боге, правда предлагая различные концепции для его понимания. Период жизни Гурджиева в Париже характеризуется амбивалентной религиозностью. С одной стороны, он мог вызывающе отзываться о Христе и издеваться над священниками, зачастую оскорбляя их прилюдно, с другой — ходил в русскую православную церковь Александра Невского в Париже по большим праздникам, а иногда и по воскресным дням, перед последней поездкой в больницу провёл целый час, сидя на паперти этого храма, в нём же его и отпевали¹⁸. Гурджиев благословлял своих последователей крестным знаменем. В его беседах последнего периода появляются отчётливые евангельские отсылки о любви к ближним, абстрактные рассуждения о луче творения уступают место конкретным нравственным наставлениям и практическим рекомендациям. Но и раньше в беседах с Успенским Гурджиев демонстрировал знания православной литургии, отмечая, что в ней заложен глубокий космологический смысл, а беседа с Муравьёвым, сказал, что исток его учения — эзотерическое христианство. Всё это, по мнению Азиза, указывает на то, что на уровне теории Гурджиев если и не называл православие истоком своего учения, то точно считал, что оно наиболее близко подходит к его выражению.

Но все эти теоретические аргументы выглядят довольно блёкло, по сравнению с доводами от практики. Хорошо известно, что основу гурджиевского учения составляют постоянные упражнения, и именно

18 Дворкин А. Л. *Моя Америка*. Нижний Новгород, 2013. С. 468: «С этим событием связан любопытный комментарий отца Иоанна Мейендорфа, который в те годы был алтарником в храме Александра Невского и присутствовал на отпевании: «Таких наистраннейших типов — имелись в виду собравшиеся на похороны — я не видел больше никогда»».

здесь Азиз видит самые солидные влияния того, что он именуется «афонской традицией». Он пишет:

«...афонские формы сердечной молитвы настолько сильно напоминают два упражнения Гурджиева, что, я полагаю, совпадение можно исключить»¹⁹.

На это указывают и общие принципы упражнений. Целью их всех была тренировка воли: множество противоречивых заданий, связанных с концентрацией внимания на разных участках и процессах тела, должны были отточить умение владеть собой, и в значительной степени такое владение было сопряжено с управлением страстями. Вот как эту мысль Гурджиев выразил в одной из бесед, используя метафору коня, пассажира и кучера:

«Страсти — это конь. <...> Везут, но куда, как? Конём надо уметь управлять. Хорошо, допустим, есть кучер. Кучер умеет править страстями. Но кучер не знает, куда ехать. Кто знает, куда ехать? Знает седок. Но чтобы знать — надо слушаться учителя!»²⁰

Последнее замечание характерно для Гурджиева. В кругу учеников, как и в различных итерациях своего «Института гармоничного развития человека», он культивировал полное и беспрекословное послушание учителю, кульминацией которого, возможно, стоит считать упражнение «Стой!», когда ученики были обязаны замереть в той позе, с теми мыслями, выражением лица и телесными процессами, которые были у них во время внезапной команды учителя²¹.

На таком же послушании была основана и общинная жизнь группы. Например, Успенский вспоминает:

«[в Ессентуках] ложились спать мы очень поздно, вставали очень рано, спали часа четыре, от силы пять. Мы выполняли всю домашнюю работу, а остальное время было заполнено упражнениями...»²².

19 Azize J. Gurdjieff. P. 92.

20 Шульгин В. В. Последний очевидец: Мемуары. Очерки. сны. Москва, 2002. С. 524.

21 Яркие описания этого упражнения оставил П. Успенский. Приведём одно в качестве иллюстрации: «В другой раз команда “стой!” застала З., который только что затыкнул папиросой. Позже он рассказывал, что никогда в жизни не испытывал ничего столь неприятного. Он не мог выдохнуть дым и сидел с глазами, полными слёз, а дым медленно выходил из его рта. Упражнение “стой!” оказало огромное влияние на всю нашу жизнь, на понимание работы и отношение к ней» (Успенский П. Д. В поисках чудесного. Москва, 2012. С. 476).

22 Там же. С. 463.

А Томас де Гартман, описывая жизнь во французском Шато де Приер, где около десяти лет был мировой центр системы, вспоминал,

«[что] в Приере постоянно сменяющиеся занятия поглощали целовека целиком. Жизнь вне перестала существовать <...> жизнь, подобно мячу, перебрасывалась от одной ситуации к другой <...> Нам давали спать только, чтобы набраться сил на следующий день»²³.

Жёсткая дисциплина, послушание учителю, ограничение сна, тренировка воли с целью борьбы со страстями не могут не напоминать жизнь православного монашества, и не только афонского. Русское старчество строилось по сходному, взятому с Афона образцу, и нельзя исключать, что, оформляя свою общину, Гурджиев ориентировался именно на этот образец, который почти наверняка ему, как православному, выросшему на территории Российской империи, был известен.

Если возвращаться к содержанию практик, то, следуя логике Азиза, отдельные упражнения нужно оценивать как построенные по принципу подражания исихастской практике. В одной из ранних бесед с учениками, поясняя идею упражнения «Я есть», в котором необходимо было координировать вдох и выдох с аффирмацией, утверждающей реальность человеческого «Я» («Я», по учению Гурджиева, у обычного человека отсутствует, и смысл жизни состоит в его обретении), Гурджиев объяснял, что исток этой практики восходит к

«...упражнению, которое <...> сохранилось до нашего времени в афонских монастырях. Монах становится на колени или встаёт в определённую позу и, поднимая руки, согнутые в локтях, произносит вслух “Я” и, растягивая слова, одновременно прислушивается к тому, где звучит слово “Я”. Цель этого упражнения — постоянно чувствовать “Я”, когда человек думает о себе»²⁴.

Сходных отсылок к Афону и монашеской традиции Азиз находит немало, что приводит его к убеждению в чрезвычайной близости дыхательных упражнений Гурджиева к умной молитве, описанной в последних томах славянского «Добротолюбия», прежде всего, у Никиты Стифата и в «Откровенных рассказах странника». Он фиксирует четыре совпадения между умной молитвой и гурджиевскими упражнениями: связаны со вдохом и выдохом; направлены на удержание воздуха; необходимо фокусировать интеллект; ум должен концентрироваться в груди²⁵.

23 *Hartmann T., de., Hartmann O., de. Our Life with Mr. Gurdjieff. London, 1992. P. 191.*

24 *Azize J. Gurdjieff. P. 100.*

25 *Ibid. P. 165.*

Конечно, Азиз не говорит о полном совпадении учений, он видит и некоторые значимые отличия (самым очевидным является утверждение Гурджиева о полной материальности Космоса и Абсолюта), но их существование не мешает говорить о близости и даже связанности двух традиций. Отчасти такая близость подтверждается тем, что ученики Гурджиева после его смерти разрешали заменять упражнение «Я есть» на молитву «Господи, помилуй»²⁶, утверждая, что она даёт такой же эффект, а сам Гурджиев предлагал применять для этого упражнения такие же чётки, какие используются монахами.

Всё это привело Азиза к убеждению,

«[что] Гурджиев был по своей сути мистиком, даже если он и мастерил для себя светскую маску. Когда же ему понадобилось вводить <...> особые упражнения, похожие на созерцательные практики, он стал значительно религиознее, ведь эти упражнения, ставшие ныне центральными для его системы, имели своей родиной православную духовность»²⁷.

Рассматривая отношение Гурджиева к эзотеризму в целом, он замечает:

«...Гурджиева, возможно, допустимо рассматривать как эзотерика и, быть может, даже мага, ведь он сам себя так определял, но нужно учитывать, что это понятие он подчинил своей системе. <...> Исходя из его понимания эзотеризма, любого мистика можно было бы считать эзотериком. Термин, который ему не очень подходит, — “окультист”»²⁸.

Нельзя не отдать должное оригинальности и аргументированности обобщений Азиза. Вполне возможно, что Гурджиев мог быть знаком с «Добротолубием» и «Рассказами странника», о которых, кстати, писал в одной из своих книг его ближайший ученик Успенский, считавший молитвенную практику, изложенную там, разновидностью йоги²⁹.

26 Например, стандартное упражнение, переданное от Гурджиева в кругу самой преданной его ученицы Жанны де Зальцманн: «Собравшись, я прихожу к ощущению “Я”. Я направляю его в правую руку — “Я” — и затем чувствую ощущение в правой ноге — “есть”. После этого я ощущаю правую ногу; ощущаю левую ногу; чувствую левую ногу; ощущаю левую руку; чувствую левую руку; чувствую правую руку. Я проделываю это три раза, каждый раз чувствуя “Я” и ощущая “есть”. Затем, когда я проделала это три раза, я чувствую все тело — “Я” — и ощущаю все тело — “есть”. <...> Это упражнение также можно выполнять, начиная последовательно с правой ноги, левой ноги и так далее. Слова “Я есть” можно заменить “Господи <...> помилуй”. См.: *Azize J. Gurdjieff. P. 217.*

27 *Ibid. P. 249.*

28 *Azize J. Esotericism, Occultism, and Magic: The Case of Gurdjieff and Crowley // Correspondences. 2020. Vol. 8. № 2. P. 189.*

29 См. главу 6: «Что такое йога?» в его «Новой модели вселенной».

Возможно, что и систему управления своими группами, правила поведения и представления об управлении страстями он мог заимствовать из современного ему православного монашества. Но проблема обобщений Азиза в том, что его исследование колеблется между мыслью о том, что Гурджиев лишь адаптировал исихастские практики умной молитвы, и убеждением, что истоком системы является так называемая афонская традиция. Именно последняя мысль проводится слишком активно и воспринимается его коллегами как доказанное положение. На наш взгляд, эта идея ошибочна, что далее и продемонстрируем.

3. А была ли афонская традиция?

Прежде чем говорить о близости учения Гурджиева православному монашеству, необходимо прояснить тот смысл, который он вкладывал в свои сопряжённые с дыханием практики. Для этого приведём показательную историю, которую Гурджиев рассказал ученикам, после того как раздал им чётки и проинструктировал об упражнении, которое они должны выполнять, постоянно нося чётки в кармане:

«Вы видите мужчин — турок, греков, арабов, армян — целыми днями сидящих в кофейне с такими чётками. Для вас они выглядят как лентяи, но то, что они делают с чётками, создаёт внутреннюю силу, о которой вы и помыслить не можете. Некоторые особо святые люди, конечно посвящённые, могли бы сдвигать горы, если бы пожелали, лишь неподвижно сидя и перебирая чётки, а на вид они казались бы полусонными»³⁰.

Из расшифровок записей бесед Гурджиева с Мартином Бенсоном известно, что Гурджиев посылал его в церковь на службу, при этом напутствуя:

«...украдите их молитвы, потому что они нужны вам для роста <... > у них [верующих] нет силы достучаться до своего Бога»³¹.

Инструктируя группу далее об отношениях с Богом, Гурджиев говорил:

«... по мере того, как вы развиваетесь, вы можете достичь своего Бога. И тогда вы берёте у своего Бога силу <...> и возвращаете её себе»³².

Из этих и прочих замечаний очевидно, что Гурджиев понимал молитву не как общение с Богом (такое, по нему, для обычного человека невозможно), не рассматривал он её и как форму медитации (последнюю он не любил, считая разновидностью транса), для него это был

30 *Hulme K. Undiscovered Country: The Search for Gurdjieff. Boston (Mass.), 1966. P. 114.*

31 *Azize J. Gurdjieff. P. 111.*

32 *Ibid.*

процесс аккумуляции энергии, с помощью которого возможно пробуждение Я и тренировка воли. Молитва представляет собой использование эманаций солнца и планет, которые, в свою очередь, отражают свет изначального истока вселенной. Бог в его системе не более чем один из объектов для концентрации, о чём хорошо свидетельствует сохранившееся его австралийскими учениками упражнение, направленное на установление контакта со своим идеалом, которым могли быть Мухаммед, Христос, Будда или Лама. Его идея заключалась в том, что верующий посылает объекту своего поклонения вибрации, приводя всё своё тело в состояние гармонии. Это упражнение, как и многие другие, связано с визуализациями и идентификациями. Например, в какой-то момент нужно связать место обитания Мухаммеда с правой рукой, а Ламы — с левой ногой, осознанно вдыхать воздух и представлять, как вокруг тела образуется атмосферная оболочка. Здесь вся практика являет собой техническое упражнение, направленное на настройку организма, религиозные или квазирелигиозные объекты выполняют в нём функцию вспомогательного прибора для отлаживания тела. Таким образом, на общефилософском и антропологическом уровне гурджиевские практики существуют в совершенно иной механико-материалистической системе координат по отношению к духовно-религиозной картине исихазма.

Не меньшие различия и в частных моментах. Так, исихастские практики не имеют ни малейшего отношения к распределению и циркуляции энергии по организму, на которые направлено большинство дыхательных упражнений Гурджиева; невозможно доказать их связь с индийскими дыхательными практиками, как и связать представление о концентрации на определённых областях тела в исихазме с системой чакр, на которых настаивает Азиз; во всех упражнениях центральную роль играет солнечное сплетение, не выполняющее такой роли в исихастских текстах; молитва «Господи, помилуй» не имеет никакой связи с утверждением бытия человеческого «Я». В дополнение к этому, большинство упражнений Гурджиева связано с концентрацией внимания на сексуальных органах, о чём даже и мысли не могло быть в православной аскетической молитвенной практике.

Все эти и многие другие расхождения (упоминать о которых в статье будет излишним) указывают на то, что ни о какой связи с афонской традицией (чтобы под этим не подразумевалось) говорить нельзя. Гурджиев не знал и не стремился понять православную аскетику, если он и был знаком с ней, то лишь поверхностно. Вообще, все аргументы

Азиза при ближайшем рассмотрении оказываются натянутыми: использование чётков и концентрация на дыхании есть во многих аскетических традициях (в том же суфизме); нет никакой «афонской традиции распределения воздуха по каналам во время молитвы»³³, а есть общеупотребительная практика раннего монашества, связанная с краткими молитвенными обращениями, никогда не воспринимавшаяся как упражнение; то, что Гурджиев по праздникам ходил в церковь и даже мог (хотя никаких подтверждений этому нет) один раз побывать на Афоне, не делает его причастным афонской монашеской традиции, равно как и чтение «Добротолюбия» или «Странника» ничего не говорит о понимании содержания этих текстов; моральные и аскетические наставления Гурджиева поверхностны и покоятся на общих представлениях о нравственности и любви к ближним, и из них нельзя заключить о его знакомстве с тонкостями православной аскетики или богословия; из всех приведённых Азизом упражнений лишь посвящённое развитию памяти о смерти³⁴ имеет реминисценции с аскетикой, но и оно не уникально, подобные можно найти, например, в буддизме.

Настоятельное желание Азиза вписать систему в афонскую традицию, как и большинство рассуждений о православном монашестве, выдают его глубокую неосведомлённость об этом. Доходит до откровенно смешных моментов: например, тот факт, что во время смерти бабушки Гурджиева, та попросила, чтобы комнату окурили ладаном с названием «Староафонский»³⁵, толкуется Азизом как подтверждение связи Гурджиева с афонской традицией.

Вообще, вся эта линия аргументов характерна, поскольку направлена на конкретную цель — вывести Гурджиева и его учение из сферы эзотеризма, причислив его к мистикам. Из-за спорной традиции, сложившейся в середине XIX в., мистицизм стал ассоциироваться с вершиной внутренней жизни всех религий, а мистики — восприниматься

33 *Azize J. Gurdjieff. P. 226.*

34 Суть его заключалась в том, что, фокусируясь на дыхании, нужно осознать собственную смертность и смертность тех, кто тебя окружает. Гурджиев говорил, что в ходе выполнения упражнения необходимо было «...поставить себя на место других. Они так же значимы, как и вы, и умрут, как и вы; они страдают так же, как и вы». Но и это упражнение имело связь с физикалистской механикой, пронизывающей всю гурджиевскую систему. Поясняя упражнение далее, Гурджиев продолжает, что если практика ассоциаций войдёт в привычку, «...только тогда вы сможете усваивать большую часть выдыхаемого воздуха и обрести настоящее "Я"». См.: *Azize J. Gurdjieff. P. 174.*

35 См.: *Ibid. P. 88.*

виртуозами духовной жизни³⁶. Эта же традиция проводит разграничение между оккультизмом (в некоторых случаях его именуют «эзотеризмом») как неаутентичным новоделом и мистицизмом как следованием древней религиозной традиции, поэтому Азиз и пытается придать системе Гурджиева авторитет и общерелигиозную ценность. Сама перспектива рассмотрения вопроса, таким образом, укоренена в ошибочной историографической концепции и связана с личной симпатией Азиза к учению Четвёртого пути.

4. Гурджиев — оккультист

В одной из своих статей, полемизируя с Чёртоном, Азиз предлагает список критериев, по которым можно установить основания, достаточные для признания того или иного учения заимствованным из другого³⁷. Сколь бы ни были любопытны эти критерии, кажется, что в настойчивом желании сделать из Гурджиева мистика Азиз не следует бритве Оккама. Совсем непонятно, почему лидера одного из ведущих оккультных движений первой половины XX в. нельзя сопоставить с аналогичными ему учениями? А то, что Гурджиев воспринимался как оккультист его современниками, и учениками, — очевидно. Например, когда первая брошюра «Института гармонического развития человека» была издана, тогда ближайшему последователю Гурджиева, композитору Томасу де Гартману, очень не понравился её дизайн. По этому поводу он заметил: «...вся брошюра выглядела как безвкусная реклама провинциального оккультиста»³⁸, т. е. Гурджиев позиционировал себя именно в этой среде. Об этом свидетельствует и текст брошюры, где Гурджиев перечисляет все популяризированные теософией топосы новой сакральной географии — Памир, Тибет, «страна чудес Индия», Египет, лишь добавляя к ним свои — Афганистан и Кафиристан. Как было принято в оккультизме, он противопоставляет эзотерические знания достижениям современной науки и претендует на раскрытие таинственных способностей человека³⁹. Как Блаватская и многие следующие за ней оккультисты, Гурджиев строит свою идентичность на отрицании того, что называлось

36 Подробнее об этой категории и её критике см. в кн.: *Huss B. Mystifying Kabbalah: Academic Scholarship, National Theology, and New Age Spirituality* / trans. E. Lutsky. New York (N. Y.), 2020.

37 См.: *Azize J. Assessing Borrowing*. P. 5–8.

38 *Hartmann T., de., Hartmann O., de. Our Life with Mr. Gurdjieff*. P. 139.

39 Подробнее см. публикацию первого издания брошюры Института: *Burmistrov K. Yu. Gurdjieff in Constantinople: New Evidence and Documents* // *Aries*. 2021. № 21. P. 204–205.

популярным или профессиональным оккультизмом. По воспоминаниям Успенского, он инструктировал учеников так:

«...существует лишь одна вещь, несовместимая с работой, — “профессиональный оккультизм”, иными словами, профессиональное шарлатанство. Все эти спириты, целители, ясновидящие и так далее, даже люди, тесно с ними связанные, — все они для нас не годятся»⁴⁰.

Как и многие последователи Блаватской, он отрицал теософию, считая её учение «обезьянничаньем»⁴¹, хотя набирал себе учеников и ближайших последователей из кругов, близких к теософии. Например, тот же Успенский до встречи с Гурджиевым всерьёз интересовался теософией и даже бывал в индийской штаб-квартире общества, а некоторые последователи, уходя от Гурджиева, органично входили в теософские круги⁴². Таким образом, представляется, что самым экономичным путём поиска истока системы Гурджиева будет сопоставление её с классической теософией и вышедшими из неё учениями, существовавшими параллельно с Четвёртым путём. Стоит отметить, что логичность такого хода признаёт и сам Азиз, когда замечает, что «...гурджиевские комментарии о религии часто сродни теософскому подходу»⁴³, а его учение в целом ближе к «...основным религиозным и духовным традициям, а также к эзотерической теософии Блаватской, нежели к оккультизму Кроули и ему подобных»⁴⁴.

5. Теософия

Нельзя сказать, что до этого момента никто не размышлял о близости системы Гурджиева к теософии, об этом писал ещё Джеймс Уэбб⁴⁵, но он пытался найти истоки системы во всём эзотеризме, начиная с эпохи Возрождения, а не только в теософии. Марк Седжвик не раз

40 Успенский П. Д. В поисках чудесного. С. 326.

41 См.: Там же. С. 304.

42 См. воспоминание В. Шульгина, который смог вытащить своего друга из неприятного ему института Гурджиева, но спустя некоторое время встретил его в Париже и узнал, что тот «...присоединился к другому магическому кружку, который вёл как раз совершенно беспощадную борьбу — астральную, разумеется, борьбу — с кружком Гурджиева. Возглавляла этот враждебный Гурджиеву кружок Анжелина Васильевна, чрезвычайной силы ясновидящая» (Шульгин В. В. Последний очевидец. С. 526–527). По другим воспоминаниям В. Шульгина, Анжелина Васильевна Сакко была членом одного из «теософических» обществ. См.: Шульгин В. В. Тени, которые проходят. Москва, 2012. С. 322–328.

43 Azize J. Gurdjieff. P. 4.

44 Ibid. P. 55.

45 См.: Webb J. The Harmonious Circle. P. 533.

констатировал вторичность системы по отношению к теософии⁴⁶, но дальше этих констатаций не шёл. Далее мы выявим пункты, по которым гурджиевское учение может быть соотнесено с теософией.

Семичастность и эволюционизм

Где только не искали симпатизирующие Гурджиеву авторы истоки его семичастного космологического закона и аналогичной семичастности в антропологии, чаще всего указывая на пифагорейство и неоплатонизм, притом что первой системой, которая ввела такую структуру в оккультизм в XIX в., была именно теософия. В «Тайной доктрине» Блаватская подробно описала процесс эволюционирования человека, включающий семь рас, и раскрыла учение о семи планах бытия, а позднее её последователи спроецировали семичастную структуру в антропологию, выделив в устройении человека семь тел. Согласно её идее, учение о семичастности — основа теософской доктрины:

«... такие доктрины, как Планетная Цепь или Семь Рас тотчас же дают ключ к семеричной природе человека, ибо каждый принцип соответствует известному плану, планете и расе и человеческие принципы на каждом плане соответствуют семеричным оккультным силам, которые на высших планах обладают ужасающей мощью»⁴⁷.

Согласно теософам, знание о семичастной структуре и истинных законах космоса сопряжено с выправлением пути человеческой эволюции от погружения в материализм к самосовершенствованию. Сходный процесс развития, связанный с семью типами человека, можно обнаружить и у Гурджиева: сонное состояние, в котором находится современный человек, приводит к дисгармонии его центров; цивилизация хоть и дала ему некоторые технические преимущества, лишь усугубила ситуацию; цель системы в том, чтобы гармонизировать работу центров и через это достигнуть выхода на уровень высших существ, обладающих постоянным «Я». Здесь отчётливо видна тема эволюции, также введённая в оккультизм теософией. Эволюция самосознания — единая система развития всех существ в космологии Гурджиева, а принцип эволюции-инволюции — универсальный механизм, согласно которому в «Рассказах Вельзевула» функционирует вся вселенная. Причём идея последовательности рас, где раса атлантов предшествует нашей

46 Например, давая общую оценку истокам системы, он замечает: «Эти посвящённые существа, населяющие скрытый монастырь ордена Сармунг, являются гурджиевской версией махатм Блаватской и Безант». См.: *Sedgwick M. Western Sufism*. P. 181.

47 *Блаватская Е. П. Тайная доктрина*. Т. 1. Москва, 2005. С. 41–42.

и хранит высшие знания, на которых основаны мировые религии, заимствуется Гурджиевым напрямую из теософской мифологии⁴⁸.

Квазинаучный дискурс

Эволюционизм и семичастность базируются на квазинаучном дискурсе, который теософия привнесла в современный оккультизм. Представление о том, что расы, жившие до нас, обладали научными знаниями, значительно превосходящими наши, — один из основополагающих теософских постулатов. Особенность этих знаний в том, что они локализируются на границе современных нам наук и духовности. Это приводит к тому, что язык описания научных процессов становится доминирующим при рассмотрении процессов духовных. Вот, например, как Блаватская в «Тайной доктрине» раскрывает специфику универсальной мировой энергии Фохат:

«Благодаря Фохату, идеи Всемирного Разума запечатлеваются на Материи. Слабую идею природы Фохата можно вывести из иногда применяемого к нему наименования “Космического Электричества”. Но в таком случае, к общеизвестным свойствам электричества должны быть добавлены другие, включая разум»⁴⁹.

А вот как Юлиан Штрубе характеризует немецких ариософов, современников Гурджиева, которые интерпретируют с помощью смешения научного и религиозного языка историю Ветхого Завета:

«Поскольку древние египтяне владели электричеством, Вахтельборн далее пришёл к выводу, что Ковчег Завета, построенный Моисеем, был “крупной электрической батареей, которая была способна заряжаться от воздуха”»⁵⁰.

То же мы находим и у Гурджиева. Например, когда ещё в Приере одна из его ближайших учениц Ольга де Гартманн в порыве чувств воздела руки к небу, Гурджиев остановил её следующими словами:

«Что ты делаешь? Это жест священника перед совершением Святого Причастия, чтобы низвести высшие силы. Священники теперь,

48 В «Рассказах Вельзевула своему внуку» он обнаруживает истоки системы в древнем Вавилоне, куда она пришла из затонувшей Атлантиды. О главном материке, «существовавшем тогда под названием “Атлантида”» (Гурджиев Г. Критика жизни человека. Рассказы Вельзевула своему внуку. Москва, 2022. С. 75), Гурджиев пишет в книге достаточно развёрнуто, см. главы 14 и 19.

49 Блаватская Е. П. Тайная доктрина. Т. 1. С. 148.

50 Strube J. Vril: Eine okkulte Urkraft in Theosophie und esoterischem Neonazismus. München, 2013. S. 102.

конечно, забыли, что означает этот жест, и выполняют его совершенно механически, но на самом деле этот жест способен привлечь высшие силы, поскольку наши пальцы — это своего рода антенна»⁵¹.

Идея энергий и вибраций, которые пронизывают весь космос, — ключевая как для космологии Гурджиева, так и для его практик. Частным случаем использования квазинаучного языка становится популяризованная теософами концепция астрального тела, воспроизводимая Гурджиевым⁵².

Эзотерическое измерение религии

Тот факт, что Гурджиев подчёркивает утрату исконного знания сакраментальных действий в современном христианстве, отсылает к учению о наличии скрытого ядра религиозной жизни, одинакового для всех религий, эзотерического измерения, известного лишь особо посвящённым. Эта идея также была впервые введена в оборот теософами и распространилась после известной работы А. П. Синнета «Эзотерический буддизм». Любопытно, что ключевое для системы упражнение-аффирмация «Я есть», сопряжённое с дыханием, имеет прямую параллель в одном из современных системе Гурджиева теософских течений. Эдвин Баллард, утверждавший, что вступил на американской горе Шаства в контакт с махатмой Сен Жерменом, дал своему движению название «Я есть активность» прежде всего потому, что явившийся ему Сен Жермен объявил утверждение «Я есть» ключевой аффирмацией грядущего золотого века. В частности, он утверждал необходимость замены мантры «ОМ» на «Я есть». Параллели с гурджиевской системой, даже на практическом уровне чтения мантры, сопряжённом с дыханием, очевидны. Правда, до конца непонятно, кто и на кого здесь повлиял. Учение Балларда начинает распространяться в Америке с 1932 г.⁵³; почти за десять лет до этого система Гурджиева обосновывается в Новом Свете: гастроли его балета собирают заинтересованную аудиторию, возникают первые группы. Поскольку, судя по материалам Азиза, упражнение «Я есть» практиковалось Гурджиевым до 1930-х гг., то оно вполне могло

51 *Hartmann T., de., Hartmann O., de. Our Life with Mr. Gurdjieff. P. 249.*

52 В «Рассказах Вельзевула своему внуку» он использует её с отсылкой к теософии, подчёркивая невозможность замены термина, хоть он и кажется ему неудачным, а ассоциации с теософией и спиритизмом вызывают у него раздражение. См.: *Гурджиев Г. Критика жизни человека. Рассказы Вельзевула своему внуку. С. 737.*

53 Подробнее об истории движения Э. Балларда см.: *Rudbøg T. The IAM Activity // Handbook of the Theosophical Current / ed. O. Hammer, M. Rothsten. Leiden, 2013. P. 151–172.*

стать известным Балларду и заимствоваться как главная аффирмация. В любом случае, это свидетельствует в пользу того, что гурджиевское учение воспринималось комплементарным современной теософии.

Конструирование идентичности

В более частных аспектах стоит обратить внимание и на конструирование Гурджиевым собственной биографии. Фактически он воспроизводит биографию Блаватской: у обоих в юношеском возрасте происходит разрыв с воспитавшей их средой, за которым следуют годы странствий, включающие все экзотические и таинственные для европейца тех лет регионы планеты (в случае Гурджиева это были предположительно Тибет, Индия, Китай, Центральная Азия, Египет, Афон); оба во время путешествий сталкиваются с тайными учителями, знания которых неизвестны никому на планете (в первом варианте биографии Блаватской это было египетское братство Луксор, а во втором — тибетские махатмы; у Гурджиева — Сармунгское братство, куда он поступил в Кафиристане); оба становятся проводниками и распространителями тайного знания в западном мире. В данном случае совершенно не важно, были ли эти путешествия и встречи в реальности; важно, что Гурджиев — пожалуй, единственный учитель-окультист эпохи, который воспроизвёл мифологическую часть биографии Блаватской в «автобиографии».

Перечисление можно было бы и продолжить, но, кажется, указанных параллелей вполне достаточно, чтобы говорить о моделировании учения Четвёртого пути по образцу теософии. В отличие от всех теософских движений, Гурджиев именно моделирует проект Блаватской, отрицая какие-либо генетические связи с ним, необходимые для легитимации всем остальным движениям, начиная от антропософии и заканчивая «The Summit Lighthouse»⁵⁴. Стоит отметить, что, по-видимому, Гурджиев делал это вполне осознанно. Одним из частных указаний на это является обложка первой брошюры «Института гармоничного развития человека», на которой в энеграмму вписаны символы четырёх евангелистов, что недвусмысленно указывает на учение Гурджиева как на новое Евангелие, но важно, что эти символы вместе с энеграммой, в свою очередь, вписаны в круг из змеи-уробороса. Это тот же круг, который обрамляет сочетание религиозных символов на логотипе

54 С англ. «маяк на вершине горы». Так же англ. «The Church Universal and Triumphant» (CUT) «Церковь Вселенская и Торжествующая» — религиозная организация эпохи Нью Эйдж, сочетающая в себе элементы христианства, буддизма, индуизма и теософии, основанная в США в 1975 г. Элизабет Клэр Профет.

теософского общества, то есть в этом символе вполне можно увидеть претензию на создание новой теософии. Чтобы такая интерпретация не показалась слишком спекулятивной, стоит вспомнить, что время публикации брошюры пришлось на расцвет символизма.

Конечно, между теософией и учением Гурджиева много отличий. Например, он никогда не говорил о ясновидении, аурах или мыслеформах; его система совершенно материалистична (в ней материален даже Абсолют), тогда как у Блаватской эволюция строится на освобождении от материи; теософия никогда не обладала такой сложной системой упражнений и никогда не могла сравниться по уровню закрытости и буквального эзотеризма с гурджиевским учением и т. п. Но, видимо, наиболее значительным фактором, объясняющим различие двух учений, является личность самого Гурджиева.

6. Трикстер

В своей полемике с Т. Чёртоном Д. Азиз не жалеет сил, чтобы опровергнуть близость учений Кроули и Гурджиева, о которой рассуждает Чёртон⁵⁵. Для этого Азиз изображает Кроули как аморального и антихристианского чёрного мага, резко контрастирующего с моральным образом мистика Гурджиева. Для Азиза, как апологета, такой ход вполне оправдан, но, как кажется, проблему близости этих непохожих людей так просто решить нельзя. Дело в том, что идею о возможном сходстве Кроули и Гурджиева первым высказал вовсе не Чёртон. В публицистическом труде, рассчитанном на массовую аудиторию, это сделал Колин Уилсон, когда во второй части «Оккультного», озаглавленной «История магии», он поместил друг за другом главы о Кроули, Распутине и Гурджиеве, связав магические способности троих, но при этом отметив, что Гурджиев выглядит «самой <...> привлекательной фигурой среди магов»⁵⁶. Такой ход К. Уилсона неслучаен, ведь в общественном сознании образы Гурджиева и Кроули связаны, поскольку оба они играли роль трикстеров, постоянно нарушающих конвенции окружающей их культуры. Для иллюстрации приведём их высказывания, объединённые пафосом игры с трансцендентной реальностью. Кроули: «Я боролся насмерть с самим собой: бог и сатана боролись за мою душу эти три долгих часа. Бог победил — теперь у меня только один вопрос: кто из двоих был богом?» Гурджиев, напутствуя учеников,

55 Подробнее см.: *Azize J. Esotericism, Occultism, and Magic: The Case of Gurdjieff and Crowley*. P. 157–217.

56 Уилсон К. *Оккультное*. Москва: Эксмо, 2006. С. 510.

говорил: «Да помогут тебе ангелы, да помогут тебе бесы», а порой добавлял: «И между этими двумя да сохранит тебя Бог»⁵⁷. Кроме того, оба воспринимались как авторитарные учителя, требующие полного и беспрекословного повиновения учеников. Причём если в случае с Кроули ученики обычно сбежали, то в случае Гурджиева формировалась совершенная привязанность к учителю. Про обоих ходили слухи об их сатанизме, до сих пор придающие их имиджу загадочность. Представляется, что Кроули и Гурджиев к окружающему их миру относились одинаково: оба не боялись играть с ним, нарушать существующие конвенции, смешивать то, что обычно казалось несовместимым.

Заключение

Если рассматривать западный эзотеризм XIX–XX вв. не как единое поле, а как поэтапный процесс формирования нескольких магистральных течений (спиритизма, теософии, новой магии), то, как мы убедились выше, учение Гурджиева будет оригинальной формой теософских течений, тогда как Кроули стал ключевым персонажем современной магии, поэтому объединять эти учения, конечно, неправомерно. Но уникальность системе Гурджиева придают не столько черты учения, сколько его личность. Гурджиев сыграл такую же роль для теософского учения, как Кроули для магии. Он использовал теософские концепции и миф, сделав из отвлечённо-теоретического знания систему практик, построенную на уникальной личности учителя, которому не нужны были авторитеты далёких махатм, поскольку он сам был настолько харизматичным, что мог сам быть современным живым и физически присутствующим махатмой, играть роль, с которой из теософов с таким успехом не справился больше никто, хотя пытались многие.

Источники

- Ferapontoff B.* Constantinople Notes on the Transition to Man Number 4 / ed. J. Azize. Mount Desert (Maine): Beech Hill, 2017.
- Hartmann T., de., Hartmann O., de.* Our Life with Mr. Gurdjieff. London: Penguin Books, 1992.
- Блаватская Е. П.* Тайная доктрина. Т. 1. Москва: Эксмо, 2005.
- Гурджиев Г.* Критика жизни человека. Рассказы Вельзевула своему внуку. Москва: АСТ, 2022.
- Успенский П. Д.* Совесть: поиск истины. Санкт-Петербург: Невский Курьер; Диалог, 1997.
- Успенский П. Д.* В поисках чудесного. Москва: Фаир, 2012.
- Шульгин В. В.* Последний очевидец: Мемуары. Очерки. сны. Москва: Олма-Пресс, 2002.
- Шульгин В. В.* Тени, которые проходят. Москва: Нестор-История, 2012.

57 Azize J. Gurdjieff. P. 73.

Литература

- Дворкин А. Л.* Моя Америка. Нижний Новгород: Христианская библиотека, 2013.
- Носачев П. Г.* Блеск и нищета социологии оккультного: Теория оккультуры К. Парtridge // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1: Богословие. Философия. Религиоведение. 2017. № 70. С. 110–126.
- Ровнер А.* Гурджиев и Успенский. Москва: Старклайт; Номос, 2006.
- Стефанов Ю. Н.* Мистики, оккультисты, эзотерики. Москва: Вече, 2006.
- Чёртон Т.* Гностическая философия: от древней Персии до наших дней. Москва: Рипол-классик, 2008.
- Шишкин О.* Сумерки магов. Георгий Гурджиев и другие. Москва: Эксмо; Яуза, 2005.
- Azize J.* Assessing Borrowing: The Case of Gurdjieff // *Aries*. 2020. № 20. P. 1–30.
- Azize J.* Esotericism, Occultism, and Magic: The Case of Gurdjieff and Crowley // *Correspondences*. 2020. Vol. 8. № 2. P. 157–217.
- Azize J.* Gurdjieff: Mysticism, Contemplation, and Exercises. New York (N. Y.): Oxford University Press, 2020.
- Burmistrov K. Yu.* Gurdjieff in Constantinople: New Evidence and Documents // *Aries*. 2021. № 21. P. 185–224.
- Churton T.* Deconstructing Gurdjieff: Biography of a Spiritual Magician. Rochester (N. Y.): Inner Traditions International 2017.
- Esoteric Transfers and Constructions: Judaism, Christianity, and Islam / ed. M. Sedgwick, F. Piraino. Cham: Palgrave Macmillan, 2021.
- Hulme K.* Undiscovered Country: The Search for Gurdjieff. Boston (Mass.): Atlantic Monthly Press, 1966.
- Huss B.* Mystifying Kabbalah: Academic Scholarship, National Theology, and New Age Spirituality / trans. E. Lutsky. New York (N. Y.): Oxford University Press, 2020.
- Jones C. A.* Gnostic Sensibility in Gurdjieff's «Work» // *The Gnostic World* / ed. G. Trompf. London: Routledge, 2018. P. 516–526.
- Rudbøg T.* The I AM Activity // *Handbook of the Theosophical Current* / ed. O. Hammer, M. Rothsten. Leiden: Brill, 2013. P. 151–172.
- Sedgwick M.* Western Sufism: From the Abbasids to the New Age. New York (N. Y.): Oxford University Press, 2016.
- Strube J.* Vril: Eine okkulte Urkraft in Theosophie und esoterischem Neonazismus. München: Wilhelm Fink, 2013.
- Sutcliffe S. J., Willmet J. P.* «The Work»: The Teachings of G. I. Gurdjieff and P. D. Ouspensky in Russia and Beyond // *The Oxford Handbook of Russian Religious Thought* / ed. C. Emerson, G. Pattison, R. A. Poole. New York (N. Y.): Oxford University Press, 2020. P. 543–561.
- Webb J.* The Harmonious Circle: The Lives and Work of G. I. Gurdjieff, P. D. Ouspensky, and Their Followers. Boston (Mass.): Shambala, 1987.